

Жан Сибил

Автобус № 40, остановка 36

Arrêt 36 de l'autobus 40

Пьеса в одном действии

Перевод с французского Валентина Красногорова

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на перевод защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат переводчику. Запрещается его издание и переиздание, , экранизация, без письменного разрешения переводчика.

[Полные тексты всех пьес автора, рецензии, список постановок](#)

См. мой сайт

<http://krasnogorov.com/>

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689

(972)-53-527-4146, (972) 53-527-4142

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

-© Валентин Красногоров

Перед опущенным занавесом или перед гигантским экраном, по которому перемещаются улицы и площади города, мы видим автобус «в разрезе», без одного бока, так что его внутреннее пространство обращено к зрителю. Он отнюдь не полон. Максимум, в нем находится человек пятнадцать, часть из них стоит. Актеры должны воздерживаться от крика; если их не слышно, пусть им дадут микрофоны. Это позволит варьировать громкость, опуская ее до шепота. Некоторые персонажи могут быть с успехом заменены манекенами; в этом случае они должны иметь вид, как можно меньше похожий на людей, не теряя однако при этом идею человека.

В пьесе действуют примерно 12 персонажей. Желательна массовка.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Лет сорока, изысканная. Она обращается к Пижоно, сидящему рядом с ней.)* Максим, это напоминает мне катафалк моего бедного мужа.

ПИЖОНО. Тетя, тому уже шесть месяцев... И всего один километр... Он наверняка уже доехал.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Если я хотя бы следовала за ним, я бы испытывала меньше угрызений совести. Ах! Я так спешу увидеть, где похоронен Пьер.

ПИЖОНО. *(Самодовольно.)* Должно быть, без нас церемония выглядела странно, это уж наверняка.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Мой милый ухажер, мы в тот день чересчур много занимались любовью, ты заставил меня забыть о времени, и теперь я чувствую себя виноватой... Как будто какой то упрек вибрирует в воздухе вокруг меня... постоянно... как будто воздух – это его дыхание, его голос.

ПИЖОНО. *(Самодовольно.)* Это взамен ваших эротических галлюцинаций. Я же говорил, что я вас вылечу.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Признавая с благодарностью.)* Благодаря тебе они оказались не галлюцинациями а предчувствиями.. А вдруг мой муж окажется на этой автобусной остановке?

ПИЖОНО. *(Ухмыляясь.)* Как раз автобус и раздавил его тогда в лепешку. Я думаю, покойник не может там торчать до сих пор.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Боже мой, это верно. Ты считаешь, что... ну... мы будем точно на том месте, где он был убит?

ПИЖОНО. В любом случае вы захотели увидеть остановку, где было происшествие, и скоро мы там будем.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Как жаль, что ты теперь не заставляешь меня забыть о времени так же хорошо, как делал это шесть месяцев назад.

Недовольная гримаса Пижоно. Молчание.

МИННИ. *(Ей семнадцать, как и трем ее подругам; она читает комикс.)* Скратч!... мгам.. ррр... мьям мьям...

КЭНДИ. Ты читаешь что?

САННИ. Надо говорить: «что ты читаешь?», а не «ты читаешь что?».

Вопросительное слово ставится впереди.

КЭНДИ. Че ты выламываешься?

САННИ. А тебе тоже надо быть повнимательней на уроках.

МИННИ. Скратч... яу гва гва...

ВИЛЛИ. *(С плейером, на голове наушники, в экстазе, глаза в потолок, иногда подпевая.)* Оооо...Аааа... Лааав.. Love... Лав... .

КЭНДИ. Ну так ты читаешь что?

МИННИ. Шимпанзе Мицкатию камергер.

КЭНДИ. Нравится?

МИННИ. Охренопупительно. Это японское... Такие штучки-дрючки, прямо хвата тя за глотку.

САННИ. Не говорят «глотку», говорят «хватают тя прямо в морду». Это было на прошлой неделе на уроке французского.

МИННИ. Ты нас задолбала со своими уроками.

КЭНДИ. Французский – это то, как говорят. Прошлогодний учило был куда интереснее, просто афигеть, он говорил, что всякий язык развивается, и что я помогаю языку развиваться.

ВИЛЛИ. *(Напевая.)* Лааав... Ай лав... Ин май... кункун...

САННИ. Не трепись, не можешь ты его развивать. А он и училом-то настоящим не был: ни хрена из литературы он и не читал.

МИННИ. И что?

КЭНДИ. Да, не вижу связи.

МИННИ. Это он познакомил меня с Мицкатию как-то в субботу вечером, когда я зашла к нему домой.

КЭНДИ. Ты мне этого не говорила!

МИННИ. Есть вещи, которые не говорят даже подружкам.

ВИЛЛИ. *(Напевая.)* ... Кун...кун.... Кун... трай.... ооо...

САННИ. Совсем сдурели.

МИННИ. Ах, отсекись, дай почитать.

КЭНДИ. Можно и мне посмотреть? *(Тоже смотрит в комикс.)*

Молчание.

МОЛОДОЙ ВОРИШКА. *(Меняя свое место, толкает пожилого господина; одновременно его рука скользит в карман господина и вытаскивает оттуда бумажник.)* Простите.

ГОСПОДИН. Ничего страшного.

Воришка перемещается в глубь автобуса. Свет падает на шофера.

ШОФЕР. Я-то все видел... Знаю я его. Он ездит со мной на этой линии уже пять месяцев. Но я ничего не скажу: у каждого свои дела. Жаль, впрочем, что он не соблюдает этот принцип. И потом что, мое дело только смотреть на дорогу.... Дорога... Какой кошмар.... Без этих привычных спутников, чтобы я мог читать им мораль... но нет, ты говоришь не то! Без них я бы просто не выдержал... нет... ведь как только один из них заходит, автобус начинает меньше качать, его корпус перестает дребезжать, он становится нежным, укачивающим... Естественно, мои друзья не отдают в этом отчета; они даже на знают, что они мои друзья...

Пауза.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Нежно, Пижоно.)* Скажи мне что-нибудь.

ПИЖОНО. *(Довольный.)* Видела этих телочек? Забавные.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Что-нибудь о любви, что-то умное....

ПИЖОНО. *(Без души, но с удовольствием составляя красивую фразу.)* Я люблю твои объемистые сиски, и жирные округлости твоей талии, и опьяняющий восторг твоих стонов

ДАМА В ЧЕРНОМ. Мой дорогой пижончик...

Звуки клаксона.

ШОФЕР. Вот те на! Проклятый пес! Я как-нибудь тебя раздавлю.... *(Оборачиваясь к публике.)* Ах, я знаю столько историй про кучу людей... с которыми я незнаком... Эти малышки, для примеру; вот уже годы, как я перебрасываю таких с места на место... безнадежные школьные истории... мой сын учился в этой же школе, и он мне рассказывал... он мне однажды сказал: «а девчонки симпатяги»... Если знать уровень моего парня, то ясно, что он не способен оценить интеллектуальность.

САННИ. Я слышу, как ты думаешь вслух, шофер. Пусть мозги в твоём котелке умолкнут. Следи лучше за дорогой.

ШОФЕР. Мне больше нравится смотреть на юную Санни. Эге, она становится милашкой. Она созревает.

САННИ. Бу-га-га. Этот шоферюга совершенно невозможный.

КЭНДИ. Что он себе воображает, этот квазимодо?

САННИ. У него в башке крутятся видения насчет моего молодого тела.

КЭНДИ. А насчет моего?

САННИ. Ты для этого недостаточно интеллектуальна.

КЭНДИ. Какая связь?

ДАМА В ЧЕРНОМ. Если мне будет позволено внести лепту в общую дискуссию, шофер автобуса должен иметь поведение, имеющее воспитательную роль по отношению к молодежи.

ШОФЕР. А вам я советую ездить в такси.

САННИ. Да, еще не хватало, чтобы он взялся за моё воспита.

КЭНДИ. Мы не хотим быть шлюхами. А что про меня, так я даже учу школьные уроки.

САННИ. Но ты же в них ни бельмеса.

КЭНДИ. Подумаешь, главное, я учу. Хочу быть врачихой.

ШОФЕР. А ты, Санни?

САННИ. Я? Училкой, потому что надо быть реалисткой. Я считаю, что нужно правильно оценивать своих способностей.

ДАМА В ЧЕРНОМ. И вы сможете достичь нужного уровня?

САННИ. Я уже достигла. Я знаю столько же, сколько наша училка.

КЭНДИ. Это верно. Мадам Жак, она часто говорит так: Санни, замени меня на пять минут, я пойду пописаю.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Она так и говорит?

КЭНДИ. Да, и когда возвращается, ну, минут через пятнадцать-двадцать, она говорит: браво, Санни, у меня это получилось бы не лучше.

ДАМА В ЧЕРНОМ. И вы ей верите?

ШОФЕР. О, они могут ей верить. Она была училкой моего сына....

ПИЖОНО. Между прочим, хорошо видно, что эти девушки уже очень развиты.

САННИ. Это верно.... Особенно Минни. Она все время читает.

ШОФЕР. Не болтай. Она все время читает одно и то же.

МИННИ. Ты, фуфломёт, что ты там несешь? Это шестьдесят третий том Мицкату, вот что я сейчас читаю, да.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Но... Разве это не слишком... однообразно?

МИННИ. *(Презрительно.)* Не смейся мои тапочки. Когда ты читала Мицкатию последний раз?

ДАМА В ЧЕРНОМ. Боюсь, что... что я вообще его не читала.

ПИЖОНО. Знаете ли, нужно очень попыхтеть, что узнать от нее, что она читала.

КЭНДИ. Чем же она тогда занимается, в ее-то возрасте?

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Обиженная.)* Хорошо, а вы чем? В вашем возрасте?

КЭНДИ. *(Принимая глубокомысленный вид.)* Что касается меня, я медитирую.

САННИ. Это верно, иногда она кажется абсолютно отсутствующей.

КЭНДИ. *(Удовлетворенно.)* Да, потому что я медитирую.

ШОФЕР. Скажи даме, о чем.

КЭНДИ. *(Покраснев.)* О, об этом нельзя говорить.

ПИЖОНО. А я, я тоже люблю медитировать.

КЭНДИ. *(Она очарована.)* Правда?

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(С иронией.)* Он куда шустрее, чем это кажется по его виду.

МИННИ. Видите ли, Мицкатию умеет преодолевать проблемы благодаря полному отсутствию комплексов и принципов. Часто, когда у меня есть проблемы, я говорю себе: что бы сделал Мицкатию? И мне остается только применить это на деле.

ШОФЕР. А как водить автобус, чтобы зарабатывать на жизнь и в то же время быть где-то в другом мире? Мицкатию объясняет это?

МИННИ. Конечно... Но я еще не прочитала этот том.

ШОФЕР. *(Отчасти с горечью, отчасти с иронией.)* В книгах только вранье.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Совершенно верно.

МИННИ. Вы говорите так, потому что вы старые лодыри.

КЭНДИ. *(Санни.)* Отстой. Это таких называют человеческие отбросы?

САННИ. Ты не должна так говорить, а то они обидятся.

КЭНДИ. Почему?

МИННИ. Они не столь развиты, как мы.

КЭНДИ. А-а... Впрочем, заметно.

ШОФЕР. Дурехи!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Bravo!

МАЛЫШКИ. О! Гнусный шоферюга оскорбляет хороших девочек!

ПИЖОНО. *(Девочкам.)* Примите во внимание, что я не солидаризируюсь с этими людьми.

МИННИ. И хорошо делаешь.

КЭНДИ. Да.

САННИ. Эти придуркозавры от них можно подавиться.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно, дорогой мой!

ШОФЕР. Дурехи, дурехи и дурехи!

ДЕВОЧКИ. *(Вибрируя от злости.)* Ешма-ешма!

ВИЛЛИ. *(Снимая наушники, с американским акцентом.)* Вы чё? Че вы тут развели базар?

МИННИ. Это вот этот, он нас оскорбил.

ВИЛЛИ. Сволочь! Я, у меня есть парни, они придут в твой долбаный автобус и свернут тебе шею!

МАЛЫШКИ. Bravo, Вилли! Надо защищаться.

КЭНДИ. Твои мозги так и брызнут, грязный шоферюга.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно, ответь же мне!

МИННИ. Мицкатию ему бы уже разрисовал ножичком всю рожу, у него кровь так и лилась бы уже со всех сторон.

САННИ. Ага! Мицкатию!

КРОШКИ. (*Скандируя.*) Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Пижоно!

ПИЖОНО. Тетя, я решительно считаю, что нам с вами следует присоединиться каждый к соответствующему поколению. Это были прекрасный сон и прекрасные ночи, но сегодня секс влечет меня в иную сторону.

ДАМА В ЧЕРНОМ. (*В слезах.*) Ты лишен нравственности. Какая польза в том, что тебе дали образование?

ШОФЕР. Да никакой! Только вред!

КРОШКИ. (*Скандируя.*) Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ПИЖОНО. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

МАЛЫШКИ. (*Аплодируя.*) Bravo!

ВИЛЛИ. I've rosenight of your twin.

ПИЖОНО. Ого! Англичанка, что ли?

КЭНДИ. Нет, чего вдруг?

ВИЛЛИ. (*Удивленно.*) Аоуоаоуао?

ПИЖОНО. Я все равно за плюралингвизм.

ШОФЕР. Чего ты разболтался? Она ж по-французски ни бум-бум.

ПИЖОНО. Ага, значит, французенка с недавних пор?

МИННИ. Что за глупость! С чего ты взял?

САННИ. Он напихан предрассудками. Для такого юнца...

МИННИ. Она просто спицылистка по американоговорящей песне, вот и все.

КЭНДИ. Французский учить у нее реально не было времени.

САННИ. Да еще и уроки...

ПИЖОНО. Ага... И вместо этого она бегло говорит по-американоамерикански?

САННИ. Она говорит на американопесенном языке.

МИННИ. (*Восхищенно.*) И это здорово!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Стоит ли об этом рассуждать?

ПИЖОНО. Все-таки, тетя, как иногда вы действуете мне на нервы!

КЭНДИ. Да, она нервирует, эта старуха.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Я пока еще имею право высказать свое мнение.

САННИ. Такие мнения уж лучше не...

КЭНДИ. Вот-вот.

ШОФЕР. В раю идиоток пижон будет королем.

КЭНДИ. Чё он там еще вякнул, этот грязный водило?

Вилли начинает дергаться.

САННИ. Надень снова наушники, Вилли. Без них у тебя будет кризис.

МИННИ. Еще две минуты без музыки, и у тебя точно будет кризис от нехватки.

Вилли, дергаясь все сильнее, никак не может надеть наушники.

КЭНДИ. Постой, я тебе помогу.

ВИЛЛИ. (*В наушниках, переставая дергаться, удовлетворенно.*) Уах...

САННИ. Че-то жарковато.

МИННИ. Угу.

КЭНДИ. Шофера надо отправить в тюрьму.

ПИЖОНО. Законно.

ШОФЕР. Дегенераты.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Эти юнцы невыносимы.

ВОРИШКА. (*Внезапно вмешиваясь.*) Если мне позволят подбросить мыслишку в

вашу магму, то мне кажется, что простое применение нескольких моральных принципов позволило бы вам понять друг друга...

Эффект. Все остальные удивлены, глаза вылуплены, рты открыты, как у рыб, хватающих воздух.

Видите ли, я всегда пристально интересовался делами моего ближнего. Я осуждаю эгоизм. И я горячий сторонник сердечного союза. Независимо от возраста и поколения, пола и ситуации, культуры и индивидуальности, да! Давайте стремиться к любви!

САННИ. (*Минни.*) Он смотрит на тебя или на меня?

МИННИ. Конечно на меня.

ВОРИШКА. Вилли, будьте добры снять наушники, когда я размышляю... Вилли!

ВИЛЛИ. (*Сняв наушники, обалдело.*) Хаух хисес?

КЭНДИ. Что ты имеешь против мьюзики?

САННИ. Да.

ВОРИШКА. Давайте музицировать, но не будем забывать о поцелуях.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Вы не хотели бы заняться одной дамой еще ничего, ухажер которой дезертировал?

ПИЖОНО. Тетя! Держите себя в руках.

ВИЛЛИ. Ай эм согласна. Кто будет кисс?

ШОФЕР. (*Насмешливо.*) Кисс? Я с удовольствием.

КЭНДИ. Ох, отвратный шоферишка! Секс-маньяк! Сатир!

ВОРИШКА. Дело в том, шофер, что ваши слова не отвечают требованиям строгой профессиональной морали, которую общество вправе ожидать от своего специализированного персонала.

ШОФЕР. Прежде чем судить других, перестань сначала тырить бумажники,

ВОРИШКА. (*Встревоженно.*) И к тому же, еще и шантажист высшей марки! Я шлю вам поздравления от молодого человека, который страдал, да, в своей жизни, у которого есть не только извинения, но и оправдания...

ШОФЕР. А я – я каждый день вижу в моем автобусе всяких шлюшек, и ни одну не приласкал.

ВИЛЛИ. Если нет поцелуев, тогда музыка! (*Снова надевает наушники.*)

КЭНДИ. Следует ли пожалеть шоферюгу, или нет? А, Санни?

САННИ. Я не петрю в фаллософии.

МИННИ. Старичье все время нудят. Типа.

ПИЖОНО. Неутомимо. Настоящее бедствие.

ШОФЕР. Что касается молодых карманников, они могли бы не устраивать конкуренцию внутри свои участков.

ВОРИШКА. Это атака, и притом гнусная. Вы просто не любите молодежь, вот и всё. Вы нам мстите за то, что вы старые.

КЭНДИ. Да! Надо поддерживать молодежь, девушек!

МИННИ. А то! Мицкатю!

ДРУГИЕ ДЕВУШКИ, затем ПИЖОНО и ВОРИШКО. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!...

ДАМА В ЧЕРНОМ. Плачевно.

ОСТАЛЬНЫЕ. Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ШОФЕР. С их куриными мозгами они ни черта не понимают... Ох!

Громкий крик шофера, который без должного внимания следил за дорогой; он изо всех сил тормозит; скрежет колес; звук удара.

Кретин пешеход! Ах дерьмо! Опять! Второй за шесть месяцев... Теперь будет история...

Занавес в глубине поднимается. Декорация представляет собой площадь с фонтаном в центре, магазины. Видна остановка автобуса, к которой он должен был прибыть. Ударенный пешеход находится, по-видимому, под автобусом, его не видно. Шофер выходит, остальные прилипают к окнам.

КЭНДИ. Я на земле никого не вижу.

МИННИ. Есесено, если он под.

САННИ. Под автобусом.

КЭНДИ. По любому, он не жалуется. Видно, парень нормалёк.

ВИЛЛИ. А если это гёл?

ОСТАЛЬНЫЕ. *(В ужасе.)* Девушка? Ах!... Этот шофер раздавит и девушек!

ПИЖОНО. Я ему этого не позволю!

САННИ. *(Взволнованно.)* Ради нас вы сами сядете за баранку?

ПИЖОНО. Какие у вас сладкие губки.

Снаружи.

ШОФЕР. Ну, куда же он делся? Ай-яй-яй, у меня впечатление, что он в лепешку. Посмотрим, двигается ли он еще. *(Пинает тело под автобусом ногой.)*

Из лавок, что на четырех углах, возникают четыре старика в черных одеяниях с очень длинными седыми волосами и бородами.

МАФУСАИЛ. *(Приближаясь.)* Кажется, этому типу крышка.

ШОФЕР. Эх, да. Досадно немного.

МАФУСАИЛ. Почему?

ШОФЕР. По моему контракту я имею право только на одного задавленного в год.

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Приблизившись.)* Но я вас узнал! В последний раз это тоже были вы!

ШОФЕР. Мне осточертело проводить свою жизнь за баранкой автобуса.

МАФУСАИЛ. Как я вас понимаю! Мне бы это тоже не нравилось.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Достаточно следить за дорогой, вот и все.

ГИБЕРНАТУС. *(Подходит, заглядывает под автобус.)* Эге, еще один молодой человек, который думал, что он нас похоронит. Смят в лепешку.

МЕЛЬХИСЕДЕК. По словам шофера, он не имел на этого типа разрешения.

ГИБЕРНАТУС. А, так это подарок?

МАФУСАИЛ. Он просто рассеянный, вот и всё.

ГИРИСТОФАМИС. *(Медленно подходя последним.)* Кто тут умер?

МЕЛЬХИСЕДЕК. Он, может быть, еще и не умер.

ШОФЕР. Боюсь, что да. Я бил его ногой в бок, он не шевелится.

ГИРИСТОФАМИС. Надо удостовериться.

ГИБЕРНАТУС. Да.

МАФУСАИЛ. *(Зовет людей, которые ждут неподалеку на остановке автобуса.)*

Эй! Может кто-нибудь подойти нам помочь?

НАПОЛЕОН. Еще чего! Я не хочу пропустить следующий автобус, лично у меня важная встреча.

ЦЕЗАРЬ. Мною также нельзя располагать. Я сожалею, но, сами понимаете, дела... Может быть, месье?...

КОРНЕЛЬ. Нет.

НАПОЛЕОН. Почему нет?

КОРНЕЛЬ. Я не люблю мертвецов, вот и все.

ЦЕЗАРЬ. Что ж, причина достаточная.

НАПОЛЕОН. Да.

ГИРИСТОФАМИС. Ну вот, снова повторяется, как было шесть месяцев назад, когда пришлось торчать тут долгие часы, а всего делов-то - перетащить мертвеца в канаву.

ШОФЕР. Но все же нужно, чтобы он освободил место для движения транспорта. Не может же он заставлять весь мир вечно заниматься своей мелкой персоной.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Мафусаил, у тебя есть какие-нибудь идеи?

МАФУСАИЛ. Нет. А у вас, Гибернатус?

ГИБЕРНАТУС. Идеи, это скорее по части Гиристофамиса.

ГИРИСТОФАМИС. А вы, Мельхиседек, что вы об этом думаете?

МЕЛЬХИСЕДЕК. Пожалуй, неплохо бы известить полицию, как в прошлый раз.

ГИБЕРНАТУС. Учитывая обстоятельства, это правильно.

МАФУСАИЛ. Менты или без них, покойник не будет от этого менее мертвым. А они к нам прицепятся.

ГИБЕРНАТУС. А мертвый ли он?

МЕЛЬХИСЕДЕК. К этому вопросу все время приходится возвращаться.

ВОРИШКА. *(Выходя из автобуса. Он сильно возбужден.)* Черт побери! Я его вытащу! Я! Бедняга... *(Делает это.)*

ДЕВУШКИ. Bravo!

МИННИ. *(Взволнованно.)* Настоящий Мицкату.

ВОРИШКА. *(Позируя, ставит ногу на покойника.)* Вот!

МАФУСАИЛ. Этот малыш неплох.

МЕРТВЕЦ. Ааааа...

ШОФЕР. Он сказал «аааа». Ясно, что он абсолютно мертв... Живой покрыл бы меня выражениями.

ГИБЕРНАТУС. Является ли это доказательство достаточным.

ГИРИСТОФАМИС. Что если обследовать этого типа повнимательней?

ШОФЕР. О нет, у меня нет сил. Пусть лучше его сразу спихнут в канаву.

МАФУСАИЛ. Все-таки следует узнать, кто он, этот субъект.

ШОФЕР. *(С горечью.)* И никто не думает обо мне и моих проблемах...

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Воришке.)* Может, это вы на него взглянете?

МЕРТВЕЦ. Ааааа...

МАФУСАИЛ. А он упрямец.

ВОРИШКА. *(Разглядывая мертвеца.)* Это кто-то, кого я не знаю.

ГИРИСТОФАМИС. Думаете, я его знаю?

ВОРИШКА. У него вид человека, которого никто не знает.

МАФУСАИЛ. Ему не повезло, телевидения не будет. Знаменитости всегда дают себя раздавить в другом месте.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Но зато здесь умирают в тишине.

ГИБЕРНАТУС. И надолго.

ГИРИСТОФАМИС. И какое-то развлечение каждые шесть месяцев. Не так плохо.

ДАМА В ЧЕРНОМ. *(Она приблизилась к окну после других.)* Жорж! Жорж!... Это Жорж... *(Выходит из автобуса.)* Это мой муж!

ВОРИШКА. *(Сурово.)* Прежде чем делать это заявление, вы могли бы, по меньшей мере, дождаться, когда он будет окончательно мертв.

ПИЖОНО. *(Следуя за дамой.)* Тетя, постойте. Ваш муж мертв уже шесть месяцев.

Его не может хватить на все несчастные случаи с автобусом.
ШОФЕР. Верно. Для этого каждый раз нужен кто-то новый.
ДАМА В ЧЕРНОМ. (*Пижоно.*) Но ты посмотри, посмотри!
ПИЖОНО. Гляди-ка!.. М-да... Мой дядя! Ну что ж, у вас хотя бы не будет угрызений совести, что вы не пошли на его похороны в прошлый раз.
ДАМА В ЧЕРНОМ. Это снимает с меня огромную тяжесть.
ВОРИШКА. Она сможет теперь исправить свою оплошность.
ШОФЕР. Благодаря мне.
МЕЛЬХИСЕДЕК. Однако всё еще неизвестно, хочет ли он окончательно умереть.
МАФУСАИЛ. Особенно еще и потому, что покойник хитрюга, он уже один раз всех обманул.
ГИБЕРНАТУС. Мне кажется, он не так расплющен, как шесть месяцев назад.
ГИРИСТОФАМИС. Но, в конце концов, что думает сам мертвец обо всем этом?
МЕРТВЕЦ. Ааааа...
МАФУСАИЛ. Все время повторяет одно и то же. Меня это просто бесит.
ВОРИШКА. Старички, тихо. Тут стоит вдова.
ГИБЕРНАТУС. Ну и что?
ДАМА В ЧЕРНОМ. А то, что я страдаю.
МЕЛЬХИСЕДЕК. У вас было шесть месяцев, чтобы его оплакивать. Вы ведь не собираетесь устраивать нам из этого страдания кино.
ПИЖОНО. По правде говоря, у нее не было для страдания времени.
ГИРИСТОФАМИС. Почему?
МАФУСАИЛ. Что же она делала?
ДАМА В ЧЕРНОМ. (*Опустив глаза.*) Я целовалась с Пижоно.
МЕРТВЕЦ. Мерзавка.
ДАМА В ЧЕРНОМ. Но в этот раз я твердо решила проследить за твоими похоронами... И выбрать кремацию. Это более надежно.
МЕРТВЕЦ. Я не хочу.
ДАМА В ЧЕРНОМ. Да, мой дорогой. Я вдова, я решаю. Ты кончишь тем, что превратишься в пепел.
МЕРТВЕЦ. Неужели тут нет кого-нибудь с добрым сердцем, чтобы меня защитить?
ГИБЕРНАТУС. Всегда можно спросить.
МАФУСАИЛ. Да, это ничего не стоит.
ЧЕТЫРЕ СТАРИКА. (*Кричат во все четыре стороны.*) Эй! Есть ли тут кто-нибудь с добрым сердцем, чтобы его защитить?
ВОРИШКА. Я!
МИЛАШКИ. (*В восторге.*) Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!
МАФУСАИЛ. Вы оригинал... Ну ладно, вас слушают.
ШОФЕР. Если вы это сделаете, я в следующий раз не возьму вас на свой борт. Идите воруйте в другом месте.
МЕРТВЕЦ. Дайте сказать моему адвокату, я имею на это право.
ПИЖОНО. Это верно, тетя. Он действительно имеет право.
ДАМА В ЧЕРНОМ. Даже мертвый, он меня нервирует. Ах, если бы я была шофером автобуса! Уж я бы в первый раз не дала осечку!
ВОРИШКА. Дамы, господа, старые сморчки и вы, прелестные крошки, такие возбуждающие...
МИЛАШКИ. (*В восторге.*) Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!
ВОРИШКА. У мертвеца есть принципы. Он не торопится превратиться в пепел. Но может ли он противиться утешению своей вдовы, ее удовольствию иметь своего мужа в печи? Урна, в которой он проведет свою вечность – я

представляю ее разрисованной большими цветами, солнцами, маками, и обнаженный ангелочек со сложенными крыльями – урна, чтобы вдова время от времени могла приподнимать крышку и созерцать своего любимого... Разумеется, супруга, пока молода, имеет любовника; он ее покинет, она возьмет себе другого, ведь это возбуждает; до тех пор пока она не получит свою порцию секса, ничто ее не успокоит. Но, в конце концов, она человеческое существо, покойник должен ее понять и остаться рядом, чтобы поддерживать ее морально. Вот почему желательно отвергнуть его посмертное ходатайство.

МЕРТВЕЦ. Дебилоид.

ДАМА В ЧЕРНОМ. Я весьма тронута вашей блестящей речью.

ВОРИШКА. Вы еще вполне ничего, вполне. Я мог бы помочь вам перевезти урну.

ВИЛЛИ. Аоао... Ай вонт также спик речь. Потому что не согласна с этим молодым красивым бой, который имеет вид с хорошими мускулами.

К большому удивлению присутствующих, она выходит из автобуса.

Нужно типа респект мертвых. Если он не вонт, значит нет. Сжигать – ноу. Я – френч девушка из многих френчей. И я говорю: да здравствуют традиции, да здравствуют гробы! Мой папа сделает его вам со скидкой.

МЕРТВЕЦ. Если уж так, то я хочу, чтобы гроб был высшего класса.

ВИЛЛИ. Да. Она заплатит, а ты в него ляжешь. Тебе повезло.

ВОРИШКА. *(Вилли.)* А ты еще аппетитнее, чем вдова. Можно тебя потрогать?

ВИЛЛИ. Yes, come. *(Привлекает его к себе. Они обнимаются.)*

МИЛАШКИ. Bravo! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Отвратительно!

ПИЖОНО. В конце концов, на мою долю остаются трое.

КЭНДИ. Я, я! *(Выходит из автобуса и бросается в его объятия.)*

ПИЖОНО. Я бы предпочел Минни.

КЭНДИ. Жаль. C'est la vie. Такова жизнь.

МИННИ. Его счастье для меня важнее собственного. Впрочем, я же Мицкату, не так ли?

САННИ. Отвратный денек.

МЕРТВЕЦ. Совершенно с вами согласен.

ШОФЕР. А до меня никому нет дела...

МАФУСАИЛ. *(Остальным старикам.)* Господа, на правах самых старших именно нам следует принять решение. Вы хорошо подумали?

ГИБЕРНАТУС. О чем?

МЕЛЬХИСЕДЕК. У меня не было времени думать.

ГИРИСТОФАМИС. У меня тоже.

МАФУСАИЛ. Подумать о мудрости. Следует указать людям нужное направление, назвать им путь, ведущий к счастью.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Не злоупотреблять алкоголем, не злоупотреблять табаком, не злоупотреблять сексом...

ГИБЕРНАТУС. Чего вдруг? Для этого хватает стариков.

МАФУСАИЛ. Да, их вполне достаточно.

ГИРИСТОФАМИС. Посмотри на покойника: два раза он оказался под автобусом и готов сделать третью попытку. Нуждается ли он в наших советах?

ГИБЕРНАТУС. Он нуждается в третьем автобусе, а не в глубоких мыслях.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Эй вы, самоубийца! Объяснитесь. Каковы ваши намерения?

МЕРТВЕЦ. Немного больницы. И до встречи через шесть месяцев.

ГИБЕРНАТУС. Он не такой уж и требовательный... К тому же, он мертвец, пригодный для вторичного использования. Это экономично, прилично и развлекает.

МАФУСАИЛ. Оказывается, вы можете быть эгоистом.

ГИБЕРНАТУС. Я? В чем? Разве я когда-нибудь кого-нибудь сделал покойником?

МАФУСАИЛ. Но вовсе не лучше использовать других покойников для собственного удовольствия!

ГИРИСТОФАМИС. В нашем возрасте можно себе позволить небольшие поблажки.

МЕЛЬХИСЕДЕК. Послушайте, Гиристофамис, не чувствуете ли вы ответственность по отношению к более молодым?

ГИРИСТОФАМИС. Нет.

ГИБЕРНАТУС. Никакой.

МАФУСАИЛ. На кой же черт тогда стареть, если сохранять ментальность юнца?

ГИРИСТОФАМИС. Юнец – я! Повтори, если хватит смелости, ты, облезшее чучело!

МЕЛЬХИСЕДЕК. Оставь его в покое...

ГИБЕРНАТУС. Почему он всегда играет в какого-то ментора?

МАФУСАИЛ. Попробуй лучше себя немного воспитать...

ГИРИСТОФАМИС. Подожди, сейчас увидишь, воспитан ли я... *(Бросается на него с кулаками. Тот защищается.)*

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Вмешивается, чтобы их разнять.)* Остановитесь, вспомните о вашем достоинстве...

ГИБЕРНАТУС. *(Мельхиседеку.)* Аа, ты хочешь его защитить! Вот, получай!

МЕЛЬХИСЕДЕК. Гибернатус, вокруг люди...

Все четверо дерутся, хватая друг друга за волосы и бороду. Гиристофамис, единственный, у которого есть палка, пытается бить ею остальных.

МИЛАШКИ. *(В восторге.)* Bravo! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю! Миц-ка-тю!

ДАМА В ЧЕРНОМ. Тайаут, тайаут! (Time out!)

ПИЖОНО и ВОРИШКА. *(Поют,)*

Любовь, безумный автобус, опьянение,
Мы состаримся вместе,
Мы состаримся вместе,
Горячие, сладкие любовницы,
Нежные сердца,
Нравы без фокусов...

МАФУСАИЛ. *(Яростно.)* Я вас всех похороню!

ГИРИСТОФАМИС. *(Бьет его палкой.)* На, получай!

МЕРТВЕЦ. *(Поет вокализом.)* А а а а а а, а а а а, а а а а а...

МЕЛЬХИСЕДЕК. *(Сделав передышку, произносит с удовольствием.)* Точно, как шесть месяцев назад. Мы вечно обновляемся.

ГИБЕРНАТУС. *(Сделав передышку, произносит с удовольствием.)* Ах, как приятно почувствовать себя живым! Ну, давай, еще немного! *(Возобновляет драку.)*

ПИЖОНО и ВОРИШКА. *(Поют,)*

Любовь, безумный автобус, опьянение,
Мы состаримся вместе,
Мы состаримся...

МЕРТВЕЦ. *(Поднимается и уходит, продолжая петь вокализом.)* А а а а а а, а а а а, а а а а а...

ДАМА В ЧЕРНОМ. С кем же я буду теперь заниматься любовью?

ШОФЕР. Кто же скажет хоть слово об одиночестве водителя автобуса?

ГИРИСТОФАМИС. *(Продолжая драку.)* Ах, славный денек!

МАФУСАИЛ. *(Яростно.)* Я вас всех похороню!

КОНЕЦ